

ЦЕЛЫЙ век отделяет нас от того знаменательного дня, когда в небольшом кахетинском селении Кварели 28 мая (9 июня) 1872 г. родился будущий реформатор грузинского театра Константин Александрович Марджанишвили.

Пристрастия у Марджанишвили определились рано. Театр как-то сразу вошел в его жизнь. Родительский дом был для юного Котэ первой и, пожалуй, единственной школой на пути к большому искусству. Отец его, офицер Александр Андреевич Марджанишвили — инженер-строитель по образованию, великолепно знал литературу, сам писал стихи, занимался переводами. Он умер, когда Котэ еще не было четырех лет. Мать — Елизавета Соломоновна Чавчавадзе — была всесторонне образованной женщиной, владела языками, любила и хорошо понимала литературу и музыку. Не удивительно, что все эти пристрастия передались сыну.

В доме Марджанишвили собиралась вся передовая грузинская интеллигенция, в том числе и театральная. Здесь часто бывали, а иногда и гостили месяцами видные писатели и общественные деятели — Ак. Церетели, Г. Церетели, Ал. Казбег, С. Месхи, Д. Кипiani, И. Мачабели, А. Цагарели, а также многие выдающиеся актеры — Васо Абашидзе, Ладос Алекси-Месхишвили, Мако Сапарова-Абашидзе, Котэ и Ефимия Месхи.

В 1884 году, будучи уже гимназистом первой тбилисской гимназии, Котэ впервые в жизни вышел на подмостки сцены. В ученическом спектакле «Женитьба» Н. Гоголя он исполнил роль Агафьи Тихоновны.

В самом начале 90-х годов вместе со своим ближайшим родственником — выдающимся актером Грузии Котэ Месхи молодой Марджанишвили отправляется в Кутаис. Дебют Марджанишвили на кутаисской сцене состоялся в 1894 году в пьесе А. Дюма «Побочный сын». Следующий сезон — 1894—1895 гг. — Марджанишвили на сцене Тбилисского театра. 27 ноября 1894 года состоялось его первое выступление в роли царевича Ираклия в пьесе Ак. Церетели «Патара Кахи». Как вспоминает Марджанишвили, над ролью с ним работал сам автор.

Будучи артистом тбилисской труппы, Марджанишвили играл довольно много ролей, но ни одна из них не приносила ему большой эстетической радости. Горячее желание больше увидеть, узнать, глубже овладеть профессией актера привело Марджанишвили в конце сезона 1894—1895 гг. к решению ехать в Россию. В то время в Харькове на лечении находился Ладос Месхишвили, по совету которого Котэ вступает в антрепризу Платонова в городе Николаеве. Не удовлетворенный работой, Марджанишвили отправляется в Москву, где ему удается прослушать курс лекций в одной из драматических школ. В 1896 году он возвращается обратно в Грузию и с начала се-

зона снова оказывается в тбилисской грузинской труппе. Здесь он успешно дебютирует в роли Левана Химшишвили в «Родине» Д. Эристави.

Первый или, как можно условно назвать его, «актерский» период творчества Марджанишвили был периодом закладки прочного мировоззренческого и эстетического фундамента будущего режиссера. Освободительные тенденции, так остро проявившиеся в подвижнической деятельности лидеров национально-освободительного движения Грузии — Ильи Чавчавадзе и Акакия Церетели, имели прямое отноше-

самую гущу театральной жизни тогдашней Грузии, в горнило передового прогрессивного искусства. Свою сценическую жизнь Марджанишвили начал с доброго благословения и под непосредственным наблюдением славной плеяды корифеев грузинского реалистического театра, актеров демократического направления, в которых чувство высокого патриотизма живо переплеталось с передовыми гуманистическими, освободительными идеями эпохи.

Но был еще один важнейший момент в культурной жизни Грузии. Речь идет об одной из самых замечательных страниц в истории грузинской культуры — о ее тесной и многовековой связи с культурой русского народа. В конце XIX века связь этих двух культур обретает особенно интенсивный характер. Последнее в значительной мере обусловило закономерность приобщения Марджанишвили к русской культуре, которой отдал он 25 лет своей жизни.

В 1896 году по приглашению Л. Месхишвили Марджанишвили снова едет в Кутаис. Предстоящая работа с Ладос Месхишвили в Кутаисском театре сулила Марджанишвили большие перспективы. К сожалению, работа эта была прервана болезнью Марджанишвили. Не возобновилась она и после его выздоровления. Марджанишвили неожиданно решает покинуть Грузию. Вместе с Н. Д. Живокини он едет вторично в Россию. Теперь уже на довольно длительный срок.

В литературе о Марджанишвили не раз высказывалось мнение о том, что поводом к его отъезду в Россию служило недоброе отношение к нему критики: «Ему казалось, что рецензии никогда не изменят в его пользу», — пишет Живокини.

Вряд ли можно безоговорочно принять эти доводы. Скорее всего следует предположить, что отзывы критики наталкивали всегда трезвого к своей деятельности Марджанишвили на мысль о том, что не все благополучно в его собственной «лаборатории». Ощущение профессиональной неполноценности и желание совершенствоваться в своей про-

фессии приводит его к решению поехать в Россию.

Тогда еще никто не мог предсказать Марджанишвили его режиссерского будущего. Но стоит подчеркнуть, что те общие тенденции, которые уже составляли его «багаж», в одинаковой мере могли сослужить службу и актеру, и режиссеру.

Самым большим приобретением Марджанишвили на грузинской театральной стезе было осознание им гражданской, свободной миссии театра. Принцип формулировался вполне определенно: «Театр — выразитель духа времени». Но совершенно очевидно, что в те юношеские годы принцип этот не ассоциировался у Марджанишвили с какими-то конкретными идейно-политическими установками. Он носил скорее этический и, в этом смысле, несколько расплывчатый характер. В силу этой расплывчатости на него порою легко «наизывались» увлечения Марджанишвили символистскими и эстетскими настроениями, кажущийся радикализм которых давал основание воспринимать их как категорию и вполне «в духе времени».

Понимание театра как выразителя передовых идей оставалось первой и самой прочной заявкой молодого актера на будущее. В сочетании с реалистической закалкой, полученной им в общении с корифеями грузинского театра, в полном согласии с его «зарожённостью» героическим, романтическим духом грузинского сценического искусства, заявка эта обрела еще больший смысл. В России, в условиях гораздо более благоприятных для выражения свободолобивых тенденций театра, все эти принципы обретают свое, вполне оформившееся выражение, обогащаясь тем новым, специфическим, что было характерно для русского театрального искусства тех лет.

Самым значительным в ряду этих новостей была драматургия А. Чехова и М. Горького. В них обретает Марджанишвили то, с чем доселе ему не приходилось встречаться в театре, — дыхание современности.

У себя на родине юный Марджанишвили был живым и непосредственным свидетелем активной борьбы передовых сил грузинского искусства за подлинный профессионализм театра и актерского мастерства. И когда впоследствии он столкнется с самым высоким проявлением этого профессионализма в практике Художественного театра, логическое следование принципам МХТ станет для него неизбежным. Все это вместе взятое и создаёт необходимые предпосылки для вхождения Марджанишвили в орбиту русской национальной культуры, для его глубокой убежденности в том, что развитие национальной культуры Грузии немыслимо без взаимосвязи с культурой других народов, и в частности народов русского.

Этери ГУГУШВИЛИ.

НАЧАЛО ПУТИ

ние к театру, соприкасались вплотную с теми богатыми прогрессивными традициями, которыми славен был грузинский театр с незапамятных времен. В воздухе витали первые провозвестники революционных идей, славная революционная традиция явно влияла на все сферы политической, экономической и культурной жизни. Формирование молодого человека, романтика его юности, его первые увлечения искусством протекали под эгидой социальных преобразований и назревания исторических процессов, которые накладывают отпечаток на целую эпоху. Уже в 90-х годах в Грузии намечаются первые проблески пролетарского освободительного движения. Процессы эти не могли в той или иной мере не оказать влияния на личность человека, отмеченного к тому же повышенной восприимчивостью, не взбудоражить его мысли, не потревожить сердце. Можно предположить, что молодой Марджанишвили, вступая в жизнь, ощущал, пусть подсознательно и робко, назревание определенных политических событий в стране. В те годы он стоял в стороне от этих событий. Они еще никак не проявлялись в его творческой практике. И все-таки влияние духа времени на Марджанишвили несомненно, и скажется оно в его судьбе несколько позднее, определив его влечение к темам возвышенного социального звучания.

Судьба распорядилась счастливо. Она бросила молодого Марджанишвили в

21 СЕН 1972
ИЗДАНИЕ ГРУЗИИ
ТБИЛИСИ